

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЖИЗНИ Н. В. ГОГОЛЯ КАК ДУХОВНАЯ И НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА

Предсмертная болезнь, сожжение рукописей и кончина Гоголя донныне являются предметом размышлений для биографов. Внезапная, без видимых причин смерть Гоголя потрясла современников, воспринявших ее как завершение трагедии его жизни и творчества. 3 марта 1852 г. И. С. Тургенев писал И. С. Аксакову: «Скажу Вам без преувеличения, с тех пор, как я себя помню, ничего не произвело на меня такого впечатления, как смерть Гоголя... Эта страшная смерть — историческое событие — понятна не сразу; это тайна, тяжелая, грозная тайна — надо стараться ее разгадать... но ничего отрадного не найдет в ней тот, кто ее разгадает... Трагическая судьба России отражается на тех из русских, кои ближе других стоят к ее недрам — ни одному человеку, самому сильному духу, не выдержать в себе борьбу целого народа — и Гоголь погиб! Мне, право, кажется, что он умер, потому что решился, захотел умереть...»¹

Задача исследователя — на основании достоверных документальных фактов восстановить картину последних дней жизни Гоголя, дать ответы на вопросы, без решения которых создание научной биографии писателя невозможно. В них концентрируются духовные, мировоззренческие, творческие проблемы.

1

Гоголь жил в Москве в доме графа А. П. Толстого на Никитском бульваре. Он занимал переднюю часть нижнего этажа: две комнаты окнами на улицу (покои графа располагались наверху). В начале 1852 г. Гоголь еще готовит к печати собрание своих сочинений. Намеков на болезнь в это время не было. За девять дней до Масленицы, то есть 25 января, Гоголя посетил О. М. Бодянский. Он застал его за столом, на котором были разложены бумаги и корректурные листы. Гоголь пригласил Бодянского на воскресенье (27 января) к Ольге Федоровне Кошелевой (жившей непо-

¹ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1987. Т. 2. Письма. С. 125.

далеку, на Поварской) слушать малороссийские песни. Однако встреча не состоялась.

26 января умерла после непродолжительной болезни Екатерина Михайловна Хомякова, тридцати пяти лет от роду, оставив семерых детей, человек Гоголю близкий и дорогой. Она была женой А. С. Хомякова и сестрой одного из ближайших друзей Гоголя, поэта Николая Языкова. Смерть эта тяжело отозвалась в душе Гоголя. Наутро, после первой панихиды, он сказал Хомякову: «Все для меня кончено»². Тогда же, по свидетельству С. П. Шевырева, друга и душеприказчика Гоголя, он произнес перед гробом покойной и другие слова: «Ничего не может быть торжественнее смерти. Жизнь не была бы так прекрасна, если бы не было бы смерти»³.

На следующий день, 28 января, Гоголь зашел к сестрам Аксаковым, жившим в ту зиму на Арбате, в Николо-Песковском переулке, спросил, где похоронят Екатерину Михайловну. Получив ответ, что в Даниловском монастыре, возле брата Николая Михайловича, он, вспоминая Вера Сергеевна Аксакова, «покачал головой, сказал что-то об Языкове и задумался так, что нам страшно стало: он, казалось, совершенно перенесся мыслями туда и оставался в том же положении так долго, что мы нарочно заговорили о другом, чтоб прервать его мысли»⁴.

29 января, во вторник, состоялись похороны Хомяковой, на которые Гоголь не явился. Существует предположение, что в этот день он ездил в Преображенскую больницу для умалишенных, находившуюся в Сокольниках, к знаменитому московскому блаженному Ивану Яковлевичу Корейше. В записках доктора А. Т. Тарасенкова (и только в них) упоминается об этой загадочной поездке, которую он относит ко времени после 7 февраля: «В один из следующих дней он поехал в Преображенскую больницу на извозчике. Подъехав к воротам больничного дома, он слез с санок, долго ходил взад и вперед у ворот, потом отошел от них, долгое время оставался в поле, на ветру, в снегу, стоя на од-

² *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 870.

³ Письмо С. П. Шевырева М. Н. Синельниковой о последних днях и смерти Гоголя // *Русская старина* 1902. № 5. С. 446—447.

⁴ Из письма В. С. Аксаковой к М. И. Гоголю // *Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем. М., 1960. С. 219.

ном месте, и, наконец, не входя во двор, опять сел в сани и велел ехать домой»⁵.

Тарасенков не сообщает источника этих сведений. Вероятнее всего предположить, что он получил их от графа А. П. Толстого. Об Иване Яковлевиче Корейше Гоголь мог узнать от многих лиц. В частности, 10 мая 1849 г. (на другой день после празднования именин Гоголя), у Корейши побывал историк М. П. Погодин, который записал в своем дневнике: «Ездил в Преображенское смотреть Ивана Яковлевича. Примечательное явление. Как интересны приходящие. Некоторые особо. Я не спрашивал, но, может быть, он говорил нечто и на мой счет, впрочем, неясно»⁶.

У Ивана Яковлевича Корейши бывали и люди высшего света, — их привлекала к нему его прозорливость. Не пришло ли и к Гоголю желание узнать волю Божию о себе через Божьего человека? И вот он поехал, а в последнюю минуту убоился (страшной могла оказаться правда).

30 января Гоголь в своем приходе заказал панихиду по Екатерине Михайловне. Дом графа Толстого относился к приходу церкви Преподобного Симеона Столпника, что на Поварской. После панихиды он зашел к Аксаковым, сказал, что ему стало легче. «Но страшна минута смерти», — добавил он. «Почему же страшна? — возразил кто-то из Аксаковых. — Только бы быть уверену в милости Божией к страждущему человеку, и тогда отраднo думать о смерти». — «Ну, об этом надобно спросить тех, кто перешел через эту минуту»⁷, — сказал он.

На вопрос, почему его не видели на похоронах Хомяковой, Гоголь ответил: «Я не был в состоянии». «Вполне помню, — рассказывает Вера Сергеевна Аксакова, — он тут же сказал, что в это время ездил далеко. — Куда же? — В Сокольники. — Зачем? — спросили мы с удивлением. — Я отыскивал своего знакомого, которого, однако же, не видал»⁸.

1 февраля, в пятницу, Гоголь — у обедни в своей приходской церкви (Родительская суббота мясопустной недели в том году

⁵ Последние дни жизни Н. В. Гоголя. Записки его современника доктора А. Тарасенкова. 2-е изд., доп. по рукописи. М., 1902. С. 17.

⁶ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1896. Кн. 10. С. 318–319.

⁷ Из письма В. С. Аксаковой к М. И. Гоголю. С. 220.

⁸ Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. СПб., 1913. С. 165.

приходилась на 2 февраля — праздник Сретения Господня, поэтому поминовение усопших было перенесено на пятницу). После обедни он снова заходит к Аксаковым, хвалит свой приход и священника (отца Алексия Соколова, впоследствии протопресвитера Храма Христа Спасителя). «Видно было, что он находился под впечатлением этой службы, — вспоминала Вера Сергеевна Аксакова, — мысли его были все обращены к тому миру».

Разговор зашел о Хомякове. Вера Сергеевна заметила, что Алексей Степанович напрасно выезжает, потому что многие скажут, что он не любил своей жены. Гоголь возразил: «Нет, не потому, а потому, что эти дни он должен был бы употребить на другое; это говорю не я, а люди опытные. Он должен был бы читать теперь Псалтирь, это было бы утешением для него и для души жены его. Чтение Псалтири имеет значение, когда читают его близкие, это не то, что раздавать читать его другим»⁹.

3 февраля, в воскресенье, Гоголь опять у обедни в своем приходе, оттуда пешком идет к Аксаковым, снова хвалит священника и всю службу, жалуется на усталость. «В его лице, — вспоминала Вера Сергеевна, — точно было видно утомление, хотя и светлое, почти веселое выражение». Гоголь снова заговорил о Псалтири. «Всякий раз как иду к вам, — сказал он, — прохожу мимо Хомякова дома и всякий раз, и днем и вечером, вижу в окне свечу, теплящуюся в комнате Екатерины Михайловны (там читают Псалтирь)»¹⁰.

Гоголь еще занимается чтением корректур, но в начале Масленицы в нем замечают нечто тревожное. В понедельник, 4 февраля, он заехал к Шевыреву, чтобы сказать, что «некогда ему теперь заниматься корректурами». Степан Петрович и его жена, Софья Борисовна, заметили перемену в его лице и спросили, что с ним. Он отвечал, что «дурно себя чувствовал и кстати решился попроститься и поговорить» (11 февраля начинался Великий пост). «Зачем же на масленой?» — спросил его Шевырев. — «Так случилось, — отвечал он, — ведь и теперь Церковь читает уже: “Господи, Владыко живота моего!” и поклоны творятся».

5 февраля Гоголь пожаловался посетившему его Шевыреву на «расстройство желудка и на слишком сильное действие лекарства, которое ему дали». В тот же день он едет к своему духовнику, с которым познакомился еще в 1842 г., когда по приезде из-за границы

⁹ Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. С. 166.

¹⁰ Из письма В. С. Аксаковой к М. И. Гоголю. С. 220.

жил у Погодина, в приходскую церковь Преподобного Саввы Освященного на Девичьем поле, известить, что говеет, и с просьбой назначить день, когда можно приобщиться. Тот поначалу советовал дожидаться первой недели поста, но потом согласился и назначил четверг, то есть ближайшую Божественную Литургию, так как в среду на масленой ее служить не положено. Вечером того же дня Гоголь провожал на станцию железной дороги гостившего у графа Толстого ржевского священника Матфея Константиновского. С этих пор он прекратил всякие литературные занятия.

К концу пребывания отца Матфея в Москве Гоголь решает говеть, то есть готовиться к принятию Святых Христовых Таин. Начиная с 5 февраля он почти ничего не ест, большую часть ночей проводит в молитве. Доктор Тарасенков пишет в своих записках: «Масленицу он посвятил говенью; ходил в церковь, молился весьма много и необыкновенно тепло; от пищи воздерживался до чрезмерности, за обедом употреблял несколько ложек капустного рассола или овсяного супа на воде. Когда ему предлагали кушать что-нибудь другое, он отказывался болезнью, объясняя, что чувствует что-то в животе, что кишки у него перевертываются, что это болезнь его отца, умершего в такие же лета, и притом оттого, что его лечили. Трудно решить, сколько правды было в его словах; однако легко можно себе представить, что при такой внезапной перемене образа жизни он действительно становился болен. Впрочем, в это время болезнь его выражалась только одною слабостью, и в ней не было заметно ничего важного...»¹¹

Тарасенков едва ли прав, говоря о том, что Гоголь резко изменил образ жизни (с его слов об этом писали потом и другие). Гоголь был православным человеком, исполняющим церковные обряды, и это было далеко не первое его говенье. Сомнение вызывает также следующее место из записок Тарасенкова: «Перемывать свойство и количество пищи он не мог без вреда для своего здоровья: по собственному его уверению, при постной пище он чувствовал себя слабым и нездоровым. “Нередко я начинал есть постное по постам (говорил он мне), но никогда не выдерживал: после нескольких дней пощения я всякий раз чувствовал себя дурно и убеждался, что мне нужна пища питательная”. (Эти слова были ответом на мое признание, что я делаюсь неспособным к хо-

¹¹ Последние дни жизни Н. В. Гоголя. С. 16–17.

рошему исполнению своих обязанностей, если некоторое время употребляю постную пищу)»¹².

Из слов Тарасенкова с несомненностью следует только то, что сам он не постился в дни, определенные для этого Церковью. В отношении Гоголя его суждение принять за правду никак нельзя. Л. И. Арнольди свидетельствует, что Гоголь был необыкновенно строг к себе и боролся со своими слабостями. Так, в Италии он «сам бегал на кухню и учился готовить макароны. А между тем очень редко позволял себе такие увлечения и был в состоянии довольствоваться самую скудную пищей и постился иногда как самый строгий отшельник, а во время говенья почти ничего не ел»¹³.

В. А. Чаговец, наиболее авторитетный специалист начала XX в. по семейным делам Гоголя, пишет, что Николай Васильевич не превосходил набожностью своих родных и только в отношении соблюдения поста держался несколько иного взгляда. «В постные дни, когда в деревнях готовились разнообразные постные блюда, различные винегреты и тому подобное, он даже иногда бывал недоволен. «Какой же это пост, когда все объедаются еще хуже, чем в обыкновенные дни?» — говорил он, отодвигая подальше блюдо с какою-нибудь заманчивой постной пищей...»¹⁴

7 февраля рано поутру Гоголь едет в свою бывшую приходскую церковь, исповедуется и причащается там. Погодин со слов священника свидетельствует, что перед принятием Святых Даров, за обеднею, он пал ниц и много плакал. Был уже слаб и почти шатался¹⁵.

¹² Последние дни жизни Н. В. Гоголя. С. 9.

¹³ Гоголь в воспоминаниях современников. Без м. изд., 1952. С. 481.

¹⁴ Чаговец В. А. На родине Гоголя // Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник, изданный Историческим обществом Нестора-летописца. Киев, 1902. Отд. V. С. 20.

¹⁵ См.: Погодин М. П. Кончина Гоголя // Москвитянин. 1852. № 5. Отд. VII. Современные известия. С. 47. В Российском государственном архиве литературы и искусства хранится копия с рукописи погодинского некролога с пометами автора, графа А. П. Толстого, С. П. Шевырева и А. С. Хомякова; другой список находится в Институте русской литературы (Пушкинский дом). Против того места, где речь идет о причащении Гоголя Святых Таин в четверг в церкви Преподобного Саввы Освященного, Погодин отметил: «Это рассказывал мне после сам священник» (РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 2; ИРЛИ. Ф. 652. Оп. 2. Ед. хр. 55. Л. 4).

Вечером того же дня (в четверг, 7 февраля) Гоголь снова возвращается в ту же церковь и просит священника отслужить благодарственный молебен, упрекая себя, что забыл исполнить это поутру. Из церкви он заехал к жившему по соседству Погодину, который также заметил перемену в нем. На вопрос, что с ним, отвечал: «Ничего, я нехорошо себя чувствую». Просидев несколько минут, он встал — в комнате находились посторонние — и сказал, что пойдет к домашним, но остался у них еще менее.

Княжна Варвара Николаевна Репнина-Волконская вспоминает, что последний раз видела Гоголя в четверг на масленой, то есть 7 февраля. «Он был ясен, но сдержан, — рассказывает она, — и всеми своими мыслями обращен к смерти; глаза его блистали ярче, чем когда-либо, лицо было очень бледно. За эту зиму он очень похудел, но настроение духа его не заключало в себе ничего болезненного; напротив, оно было ясным, более постоянно, чем прежде. Мысль, что мы его скоро потеряем, была так далека от нас; а между тем тон, с каким он прощался, на этот раз показался нам необычайным, и мы между собою заметили это, не догадываясь о причине. Ее разъяснила нам его смерть»¹⁶.

В ночь с 8 на 9 февраля после продолжительной молитвы на коленях перед образом Гоголь уснул на диване без постели и во сне слышал некие голоса, говорившие ему, что он умрет. В тревоге он призвал приходского священника и хотел ссориться с маслом, но когда тот пришел, Гоголь уже успокоился и решил отложить совершение таинства.

На следующий день, в субботу он едет к Хомякову, у которого не был с 27 января. «В субботу на Масленице, — пишет Погодин, — он посетил также некоторых своих знакомых. Никакой особенной болезни не было в нем заметно, не только опасности; а в задумчивости его, молчаливости не представлялось ничего необыкновенного»¹⁷.

В Прощеное воскресенье, 10 февраля, Гоголь просит графа Толстого передать свои рукописи святителю Филарету, митрополиту Московскому, чтобы тот определил, что нужно печатать, а чего не следует. Граф не принял бумаг, опасаясь утвердить в нем мысль о смерти. С этого дня Гоголь перестал выезжать из дому.

¹⁶ Из воспоминаний княжны В. Н. Репниной о Гоголе // Русский архив. 1890. № 10. С. 232.

¹⁷ Погодин М. П. Кончина Гоголя. С. 47.

Святитель Филарет был большим авторитетом для Гоголя и как богослов, писатель-аскет, и как духовный пастырь. Намерение довериться его суду не было для Гоголя новым. Ранее он не раз бывал у него и всегда отзывался о нем очень высоко. В записке к С. П. Шевыреву (от конца 1851 г.) Гоголь замечает: «К митрополиту я хотел ехать вовсе не затем, чтобы беседовать о каких-либо умных предметах <...> Мне хотелось только прийти к нему на две минуты и попросить молитв, которые так необходи[мы] изнемогающей душе моей». Можно предположить, что Шевырев был обеспокоен намерением Гоголя говорить с московским владыкой о втором томе «Мертвых душ».

В понедельник первой недели поста в доме графа (на верхней половине) служили Великое повечерие. Гоголь едва смог подняться наверх по ступеням, однако отстоял всю службу. День он провел почти без пищи, ночь — в молитве со слезами. Граф Толстой, видя, как все это изнуряет Гоголя, прекратил у себя богослужения.

В ночь с 11 на 12 февраля, в третьем часу, Гоголь будит своего слугу Семена, велит ему бесшумно подняться на второй этаж, где располагались печные задвижки, растопить печь в кабинете и затем сжигает бумаги. Наутро он (по запискам доктора Тарасенкова) говорит графу Толстому: «Вот что я сделал! Хотел было сжечь некоторые вещи, давно на то приготовленные, а сжег все. Как лукавый силен, вот он до чего меня довел. А я было думал разослать на память друзьям по тетрадке: пусть бы делали, что хотели»¹⁸.

Физическое состояние Гоголя в эти дни резко ухудшается: очевидцы заметили в нем усталость, вялость и даже изнеможение — отчасти следствие обострения болезни, отчасти действие поста. Со слов графа Толстого известно, что Гоголь принимал пищу два раза в день: утром хлеб или просфору, которую запивал липовым чаем, вечером — кашицу, саго или чернослив. Но всего очень понемногу¹⁹.

14 февраля, в четверг, Гоголь, по свидетельству Хомякова, сказал: «Надобно меня оставить, я знаю, что должен умереть»²⁰.

В эти же дни Гоголь делает распоряжения графу Толстому насчет своего крепостного слуги Семена и рассылает деньги «бед-

¹⁸ ГИМ. Ф. 380. Ед. хр. 1. Л. 7 (рукопись записок доктора А. Т. Тарасенкова); *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. Т. 4. С. 854.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 3.

²⁰ Там же. Л. 4; ИРЛИ. Ф. 652. Оп. 2. Ед. хр. 55. Л. 6.

ным и на свечки». Средства, которые будут выручены от последнего издания его сочинений, он незадолго до этого просил раздать неимущим.

16 февраля, в субботу, Гоголя посетил доктор Тарасенков (впервые за время болезни) и убеждал его подчиниться указаниям врачей. Гоголь отвечал вяло, но внятно и с полной уверенностью: «Я знаю, врачи добры: они всегда *желают* добра». При этом ничем не выразил готовности следовать совету Тарасенкова. «Он смотрел как человек, для которого все задачи разрешены, всякое чувство замолкло, всякие слова напрасны...»²¹

В этот день Гоголь, по свидетельству графа Толстого, приобщился Святых Таин²². Древний христианский обычай причащаться в субботу первой седмицы Великого поста издавна существовал на Руси (он связан с празднованием памяти святого великомученика Феодора Тирона, которое всегда совершается в этот день).

Граф Толстой стремился употребить все возможное для исцеления больного: просил Московского гражданского губернатора И. В. Капниста, которого Гоголь любил и уважал, уговорить его послушаться указаний медиков; ездил к святителю Филарету, митрополиту Московскому, и рассказал ему об опасной болезни Гоголя. Владыка прослезился и сказал, что на Гоголя надо было действовать иначе: убеждать, «что его спасение не в посте, а в послушании»²³. После этого он ежедневно призывал к себе отца Иоанна Никольского и приходского священника отца Алексия Соколова, расспрашивал их о болезни Гоголя и поручил им передать, что просит его исполнять назначения врачей. Но ничего не помогло.

Утром 18 февраля, в понедельник, отец Иоанн Никольский предложил Гоголю ссоробоваться священным елеем, исповедаться и причаститься. Тот согласился с радостью. Все положенные на ссоробовании Евангелия он выслушал «в полной памяти, держа в руках свечу, проливая слезы»²⁴.

В этот день Гоголь, по свидетельству доктора Тарасенкова, слег в постель и больше уже не вставал. К нему приглашали знаменитейших московских докторов, но он наотрез отказывался

²¹ Последние дни жизни Н. В. Гоголя. С. 22.

²² РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 3.

²³ Последние дни жизни Н. В. Гоголя. С. 23.

²⁴ *Погодин М. П.* Кончина Гоголя. С. 48.

лечиться. «Трудно было предпринять что-нибудь с человеком, — вспоминал Тарасенков, — который в полном сознании отвергает всякое лечение». Как и в прежние годы, Гоголь был твердо убежден, что жизнь его в руках Господа, а не в руках врачей. «Ежели будет угодно Богу, чтобы я жил еще, — буду жив...» — говорил он.

19 февраля, во вторник, Гоголя посетил доктор Тарасенков. Гоголь лежал на диване, в халате, в сапогах, отвернувшись лицом к стене, с закрытыми глазами; в руках у него были четки. Приехал профессор А. А. Альфонский, который предложил магнетизирование, чтобы покорить волю больного и заставить его принимать пищу. Приехали также доктора А. И. Овер и К. И. Сокологорский. Последний пытался делать пассы, но Гоголь в это время читал про себя Иисусову молитву, и магнетизирование не удалось.

Граф Толстой, видя критическое положение, созвал консилиум, который подтвердил диагноз профессора Овера, что у Гоголя менингит, и принял решение лечить его насильно. Врачи действовали следующим образом: больного сажали в теплую ванну и обливали холодной водой; ставили к носу пиявки, тело обкладывали горчичниками. С Гоголем обращались как «с сумасшедшим», как «с человеком, не владеющим собою». Об этом рассказывает, например, в своих записках доктор Тарасенков.

Насильственное лечение, вероятно, ускорило смерть Гоголя. Последнюю ночь он был уже в беспамятстве. Елизавета Фоминична Вагнер, теща Погодина, на руках которой Гоголь скончался, свидетельствует: «...по-видимому, он не страдал, ночь всю был тих, только дышал тяжело; к утру дыхание сделалось реже и реже, и он как будто уснул...»²⁵

21 февраля, в четверг около восьми утра, Гоголь преставился о Господе. Последними его словами, сказанными в полном сознании, были: «Как сладко умирать!» Доктор Тарасенков, прибывший через два часа после смерти Гоголя, писал об увиденном: «Нельзя вообразить, чтобы кто-нибудь мог терпеливее его сносить все врачебные пособия, насильно ему навязываемые; лицо умершего выражало не страдание, а спокойствие, ясную мысль, унесенную с собою за гроб»²⁶.

Накануне, часу в одиннадцатом, Гоголь громко произнес: «Лестницу, поскорее, давай лестницу!..» Подобные же слова о

²⁵ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 11. С. 536.

²⁶ Последние дни жизни Н. В. Гоголя. С. 28.

лестнице сказал перед смертью святитель Тихон Задонский, один из любимых духовных писателей Гоголя, сочинения которого он перечитывал неоднократно.

Смерть Гоголя породила множество толков. Широко распространено мнение, что он уморил себя голодом. На этом настаивал еще Н. Г. Чернышевский на основании воспоминаний доктора Тарасенкова. Современные исследователи делают попытки подвести под это предположение научный фундамент. Так, известный богослов и историк Церкви А. В. Карташев в недавно переизданной у нас книге «Вселенские соборы» пишет, что Гоголь «покаянно отверг все плотское и уморил себя голодом в подвиге спиритуализма»²⁷. Литературовед М. Я. Вайскопф в своей книге «Сюжет Гоголя» утверждает, что смерть писателя «была типичным замаскированным самоубийством гностика, разрывающего плотские узы»²⁸.

Однако правильно понимаемый и исполняемый пост никак не может послужить причиной смерти человека. А то, что Гоголь понимал пост в церковном духе, неопровержимо свидетельствуют его выписки из творений святых отцов. Вот несколько примеров.

«Обманывается тот, кто думает, что сущность поста состоит в уменьшении только телесной пищи. Ибо известно, нарушители правил истинной добродетели не получают от того никакой пользы. Изнурение тела бесполезно для тех, которые в сердце питают ненависть и в груди своей носят закоренелую злобу и мстительность, Бог не войдет в такое гнусное жилище. Не лишнее ли дело мучить тело голодом и жаждою, когда душа измучена и гибнет от пороков? И молитва и пост бесполезны для тебя, когда ты не украшен верою, надеждою и любовью» (Св. Ефрема Сирина); «Чтобы пост был настоящий — одного воздержания от пищи недостаточно. Будем поститься постом богоприятным. Истинный пост есть воздержание от пороков, обуздание языка, укрощение гнева и страстей, отложение злоречий, лжи, обмана, воздержание от сего есть истинный пост» (Св. Василия Великого); «Принимай на себя столько поста, сколько нести можешь. И пощение твое должно

²⁷ *Карташев А. В.* Вселенские соборы. М., 1994. С. 289.

²⁸ *Вайскопф М.* Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст. <М.,> 1993. С. 493.

быть чисто, просто, нелицемерно, умеренно и несуетливо» (Блаженного Иеронима).

О том же говорят и пометы на принадлежавшей Гоголю Библии, хранящейся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом). «Пост не дверь к спасенью», — написал он карандашом на полях против слов святого апостола Павла: *«Брашно же нас не поставляет пред Богом: ниже бо аще ямы, избыточествуем: ниже аще не ямы, лишаемся» («Пища не приближает нас к Богу: ибо едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем» 1 Кор 8. 8)*²⁹.

Внутренняя жизнь Гоголя, под которой он понимал жизнь в Боге, велась скрыто от окружающих. Не имея собственного дома и живя все время на людях, он, конечно, часто вынужден был скрывать свое пощение, как это и заповедано Евангелием. Гоголь чувствовал себя как дома, по-видимому, только у графа Толстого. Бывая у тех знакомых, которые не придавали большого значения посту, Гоголь старался не смущать их. Именно в этом смысле, видимо, надо понимать его записку С. Т. Аксакову от 19 марта 1849 г.: *«Любезный друг Сергей Тимофеевич, имеют сегодня подвернуться вам к обеду два приятеля: Петр Михайлович Языков и я, оба греховодники и скоромники. Упоминаю об этом обстоятельстве по той причине, чтобы вы могли приказать прибавить кусок бычачины на одно лишнее рыло»*. На эту записку, например, ссылается доктор Тарасенков, говоря, что Гоголь любил «сытные мясные кушанья».

Известно, что именно 19 марта Гоголь отмечал свой день рождения, который, бывая в Москве, нередко проводил у Аксаковых. В 1849 г. день этот приходился на Великий пост. Зная духовное устройство Гоголя, можно с уверенностью утверждать, что он не ел у Аксаковых в этот день бычачины, хотя и счел необходимым в шуточной форме заблаговременно предупредить друзей, чтобы они чувствовали себя свободно.

Отметим, что через несколько дней Гоголь должен был причаститься Святых Таин. 3 апреля 1849 г., в день Светлого Христова Воскресенья, он писал матери и сестрам Анне и Елизавете: *«Христос воскрес! От всей души поздравляю вас всех с радостнейшим*

²⁹ См.: *Виноградов И. А., Воропаев В. А.* Карандашные пометы и записки Н. В. Гоголя в славянской Библии 1820 года издания // *Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Вып. 2. Петрозаводск, 1998. С. 243.*

праздником. Я провел его, слава Богу, не без душевного веселия. Вероятно, и вы также были счастливы в этот день по мере того, как умела душа возрадоваться Воскресенью Того, Кто воскрешает всех, в Него верующих. Письмо ваше (от 19 марта) с поздравлением пришло ко мне в тот день, когда я удостоился приобщиться Св. Тайнам». Гоголь, по всей вероятности, причащался на Страстной неделе, скорее всего, в Великий четверг.

Само собой разумеется, что вкушение мяса Великим постом, за полторы недели до приобщения Святых Таин, недопустимо (это понятно даже для новоначальных). В выписках Гоголя из творений святых отцов и учителей Церкви находим следующее место о тех, кто причащается недостойно: «Таинство Евхаристии, принимаемое устами недостойных, вместо отпущения грехов их, вместо запечатления их к наследию небесному и вечному блаженству, вызывает на них праведный суд страшного Судии — Бога; и Пречистая Кровь Иисуса Христа в устах нечистых еще громче крови Авелевой вопиет к Богу об отмщении. Кому из вас, братия мои, не известны страшные поразительные опыты Божественного мщения на осквернителей святыни?.. В первенствующей Церкви видимым образом — болезнию или смертию казнь небесная отпечатлевалась на тех, которые, не быв достойными, приступали к Евхаристии. Сего ради, говорит Апостол, *в вас мнози немощны и недужливы, и усыпают*, то есть умирают, *довольни* (1 Кор 11. 30)».

Доктор Тарасенков на протяжении своих записок не раз говорит о молитвенном устроении Гоголя в последние дни: «Свое пощение он не ограничивал одною пищею, но и сон умерял до чрезмерности; после ночной продолжительной молитвы он вставал рано и шел к заутрени...»³⁰ Со слов того же Тарасенкова известно, что Гоголь почти до самой смерти не ложился в постель, а оставался в креслах: «Несмотря на свое убеждение, что постель будет для него смертным одром (почему он старался оставаться в креслах), в понедельник на второй неделе поста (то есть 18 февраля. — В. В.) он улегся, хотя в халате и сапогах, и уже более не вставал с постели»³¹.

Можно думать, однако, что Гоголь сидел в креслах не из страха умереть на постели. Скорее это было в некотором роде подражанием монашескому обычаю проводить ночной отдых не на ложе,

³⁰ Последние дни жизни Н. В. Гоголя. С. 16.

³¹ Там же. С. 24.

а на стуле, то есть вообще сидя³². П. В. Анненков, рассказывая о пребывании вместе с Гоголем в Риме летом 1841 г., пишет в своих воспоминаниях: «Одно обстоятельство только тревожило меня, возбуждая при этом сильное беспокойное чувство, которое выразить я, однако же, не смел перед Гоголем, а именно тогдашняя его причуда — проводить иногда добрую часть ночи, дремля на диване и не ложась в постель. Поводом к такому образу жизни могла быть, во-первых, опасная болезнь, недавно им выдержанная и сильно напугавшая его, а во-вторых, боязнь обморока и замирания, которым он, как говорят, действительно был подвержен. Как бы то ни было, но открыть секрет Гоголя, даже из благодушного желания пособить ему, значило нанести глубочайшую рану его сердцу. Таким образом, Гоголь довольно часто, а к концу все чаще и чаще приходил в мою комнату, садился на узенький плетеный диван из соломы, опускал голову на руку и дремал долго после того, как я уже был в постели и тушил свечу. Затем переходил он к себе на цыпочках и так же точно усаживался на своем собственном соломенном диванчике вплоть до света, а со светом взбивал и разметывал свою постель для того, чтоб общая наша служанка, прибиравшая комнаты, не могла иметь подозрения о капризе жильца своего, в чем, однако же, успел весьма мало, как и следовало ожидать. Обстоятельство это, между прочим, хорошо поясняет то место в любопытной записке Ф. В. Чижова о Гоголе 1843 года, где автор касается апатических вечеров Н. М. Языкова, на которых все присутствующие находились в состоянии полудремоты и после часа молчания или редких отрывистых замечаний расходились, приглашаемые иногда ироническим замечанием Гоголя: “Не пора ли нам, господа, окончить нашу шумную беседу”... Вечера эти могли быть для Гоголя началом самой ночи, точно так же проводимой, только без друзей и разговоров»³³.

Завершает мемуарист свой рассказ следующими словами: «Конечно, тут еще нельзя искать обыкновенных приемов аскетического настроения, развившегося впоследствии у Гоголя до необычайной степени, но путь для них был уже намечен».

³² Например, никогда не имел постели в своих келиях преподобный Серафим Саровский. В новейшее время архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Максимович) ночью отдыхал только сидя.

³³ *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М., 1983. С. 91–92.

Думается все-таки, что здесь было не начало, а уже некоторая полнота аскетического поведения Гоголя. Косвенным подтверждением этому могут служить упомянутые Анненковым воспоминания Ф. В. Чигова, общавшегося с Гоголем в Риме в 1843 г. Он, в частности, говорит: «В каком сильном религиозном напряжении была тогда душа Гоголя, покажет следующее. В то время одна дама, с которою я был очень дружен, сделалась сильно больна. Я посещал ее иногда по несколько раз на день и обыкновенно приносил известия о ней в нашу беседу, в которой все ее знали — Иванов лично, Языков по знакомству ее с его родными, Гоголь понаслышке. Однажды, когда я опасался, чтоб у нее не было антонова огня в ноге, Гоголь просил меня зайти к нему. Я захожу, и он, после коротенького разговора, спрашивает: “Была ли она у святителя Митрофана?” — Я отвечал: “Не знаю”. — “Если не была, скажите ей, чтоб она дала обет помолиться у его гроба”³⁴. Сегодняшнюю ночь за нее здесь сильно молился один человек, и передайте ей его убеждение, что она будет здорова. Только, пожалуйста, не говорите, что это от меня”. По моим соображениям, этот человек, должно было, был сам Гоголь...»³⁵.

После кончины Гоголя, в тот же день прошел слух, что он сжег свои бумаги. Современники были уверены, что уничтожена рукопись второго тома «Мертвых душ». Была названа и дата сожжения — ночь с 11 на 12 февраля. Первым публично объявил о сожжении глав второго тома Погодин в своей некрологической статье: «Поутру он (Гоголь. — В. В.) сказал графу Т[олстому]: «Вообразите, как силен злой дух! Я хотел сжечь бумаги, давно уже на то определенные, а сжег главы «Мертвых душ», которые хотел оставить друзьям на память после моей смерти»³⁶.

Но самого Погодина не было рядом с Гоголем в последние дни, он писал со слов графа Толстого. Перед публикацией Погодин послал ему рукопись статьи с запиской: «Вот что я набро-

³⁴ Обретение мощей святителя Митрофана, епископа Воронежского, состоялось 7 августа 1832 г. и сопровождалось многочисленными чудесными исцелениями.

³⁵ <Кулиш П. А.> Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя. СПб., 1856. Т. 1. С. 329.

³⁶ Погодин М. П. Кончина Гоголя. С. 129–130.

сал. Сделайте милость, граф, поправьте, дополните, сделайте, что угодно, — но только, прошу Вас, поскорее: книга моего журнала должна выйти завтра. Мне показалось, совестно пройти молчанием — что мы за неучи — но я ничего не знаю и написал только, что Вы рассказали. Так Вы и окончите Ваше доброе дело».

Граф Толстой, просмотрев рукопись, писал Погодину: «Думаю, что последние строки о действии и участии лукавого в сожжении бумаг можно и должно оставить (то есть оставить не напечатанными. — В. В.). Это сказано было мне одному без свидетелей: я мог бы об этом не говорить никому, и, вероятно, сам покойный не пожелал бы сказать это *всем*. Публика не духовник, и что поймет она об такой душе, которую и мы, близкие, не разгадали. Вот и еще замечание: последние строки портят всю трогательность рассказа о сожжении бумаг». Однако граф Толстой оговаривал, что он болен, и просил Погодина: «...во всяком случае нисколько не останавливаться за моим мнением, которое есть мнение больного»³⁷. Погодин и сам сомневался в целесообразности публикации этих строк, о чем сообщал в ответной записке графу, но все же поместил их.

Остается открытым вопрос, что именно сжег Гоголь перед смертью. Догадки современников и позднейших биографов разноречивы. Большинство считало, что погибла беловая редакция второго тома «Мертвых душ». Были и другие предположения: уничтожены «Размышления о Божественной Литургии» (над которыми Гоголь работал в последние годы жизни), политически опасные бумаги, — вплоть до версии, что Гоголь вовсе ничего не сжигал, а рукописи были спрятаны графом Толстым. Все эти гипотезы не имеют документального подтверждения, тем более что мы даже не знаем, закончил ли Гоголь второй том.

О втором томе как завершенной рукописи говорит доктор Тарасенков: «"Литургия" и "Мертвые души" были переписаны набело его (Гоголя. — В. В.) собственной рукою, очень хорошим почерком»³⁸. Это сообщение по сути является единственным аргументом в пользу утверждения, что Гоголь сжег законченный второй том. На него ссылаются, например, комментаторы академического издания. Однако Тарасенков, как и все другие мемуаристы, основывался в первую очередь на рассказах графа Толстого: он не

³⁷ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. II. С. 534–535.

³⁸ Последние дни жизни Н. В. Гоголя. С. 12.

мог видеть воочию рукописей второго тома, поскольку был приглашен к Гоголю 13 февраля (то есть сразу после сожжения), а тот принял его только 16-го. Впрочем, Тарасенков и не говорит, что видел рукописи, — этого не могло быть уже потому, что Гоголь тщательно оберегал свои бумаги от постороннего взгляда.

Кстати, доктор Тарасенков не был, как иногда считают, домашним врачом Гоголя. Из записок архитектора и академика живописи В. О. Шервуда явствует, что Тарасенков пользовал семью графа Толстого: «Он был, между прочим, доктором Толстых и следил последнее время за болезнью Гоголя, которую и описал в брошюре и где, между прочим, были ему сообщены и мною некоторые факты»³⁹. Как следует из собственных записок Тарасенкова, он видел Гоголя во время его предсмертной болезни всего три раза: 16, 19 и 20 февраля. До этого они были едва знакомы.

После смерти Гоголя разбиравшие его бумаги Капнист, граф Толстой и Шевырев обнаружили пять черновых тетрадей, заключающих в себе пять неполных глав второго тома: четыре начальные главы, датируемые 1849—1850 годами, и первоначальный набросок одной из последних глав (условно называемой пятой) более раннего происхождения. Уцелевшие тетради имеют несколько слоев правки. В текст в разное время вносились исправления карандашом и чернилами, превратившие рукопись мало-помалу в черновик для последующей переписки. Вся дальнейшая работа Гоголя остается нам неизвестной. Ни одной рукописи, ни одного текста последней редакции, кроме незначительных отрывков, до настоящего времени не обнаружено.

Характерно, что в воспоминаниях современников, слушавших в чтении Гоголя второй том, речь идет почти исключительно о начальных главах, то есть о тех, которые мы знаем по сохранившимся черновикам. Известно, что до отъезда из Москвы в Васильевку летом 1850 г. Гоголем были выправлены и переписаны набело три начальные главы, которые он читал знакомым. Примерно за полгода до этого он писал П. А. Плетневу: «Все почти главы соображены и даже набросаны, но именно не больше, как *набросаны*; собственно написанных две-три и только».

Больше всех Гоголь прочел Шевыреву: до седьмой включительно. Но это были, по всей видимости, только наброски, во всяком случае главы эти не были отделаны. 2 апреля 1852 г. Ше-

³⁹ РГБ. Ф. 526. Картон 1. Ед. хр. 24.

вырев писал двоюродной сестре Гоголя Марии Николаевне Синельниковой: «Из второго тома он читал мне... семь глав. Он читал их, можно сказать, наизусть, по написанной канве, содержа окончательную отделку в голове своей»⁴⁰. Это чтение состоялось в июле — начале августа 1851 г. на подмосковной даче Шевырева в селе Троицком или Кагулове по Рязанской дороге.

Последним, кто ознакомился с главами второго тома «Мертвых душ», был отец Матфей Константиновский. Вероятно, это произошло во время его последней встречи с Гоголем незадолго до сожжения рукописей. Ему нередко ставят в вину, что именно он подтолкнул писателя к этому. Отец Матфей отрицал, что по его совету Гоголь сжег второй том, хотя и говорил, что несколько набросков не одобрил и даже просил уничтожить.

«Говорят, что вы посоветовали Гоголю сжечь 2-й том “Мертвых душ”? — “Неправда и неправда... Гоголь имел обыкновение сжигать свои неудавшиеся произведения и потом снова восстанавливать их в лучшем виде. Да едва ли у него был готов 2-й том; по крайней мере, я не видал его. Дело было так: Гоголь показал мне несколько разрозненных тетрадей с надписаниями: *Глава*, как обыкновенно писал он главами. Помню, на некоторых было написано: глава I, II, III, потом, должно быть, 7, а другие были без означения; просил меня прочитать и высказать свое суждение. Я отказывался, говоря, что я не ценитель светских произведений, но он настоятельно просил, и я взял и прочитал... Возвращая тетради, я воспротивился опубликованию некоторых из них. В одной или двух тетрадях был описан священник. Это был живой человек, которого всякий узнал бы, и прибавлены такие черты, которых... во мне нет, да к тому же еще с католическими оттенками, и выходил не вполне православный священник. Я воспротивился опубликованию этих тетрадей, даже просил уничтожить. В другой из тетрадей были наброски... только наброски какого-то губернатора, каких не бывает. Я советовал не публиковать и эту тетрадь, сказавши, что осмеют за нее даже больше, чем за переписку с друзьями”»⁴¹.

⁴⁰ Письмо С. П. Шевырева М. Н. Синельниковой о последних днях и смерти Гоголя // Русская старина. 1902. № 5. С. 442–443.

⁴¹ *Образцов Ф., протоиерей*. О Матфее Константиновском, протоиерее Ржевского собора. По моим воспоминаниям // Тверские Епархиальные Ведомости. 1902. № 5. 1 марта. Часть неофициальная. С. 138–139 (воспро-

Свидетельство отца Матфея крайне важно для нас, потому что это едва ли не единственный человек, который в то время был для Гоголя авторитетом, даже более — судьей его труда, приобретшего для самого автора не столько литературное, сколько духовно-нравственное значение. Трудно предположить, что Гоголь, имея законченный беловик, мог дать ему на суд разрозненные тетради с набросками.

Вероятно, и Шевыреву, и отцу Матфею были известны одни и те же главы, и, скорее всего, именно эти главы были уничтожены Гоголем в ночь с 11 на 12 февраля.

Нам теперь не узнать истинного чувства, которое испытывал Гоголь, сжигая рукописи. Погодин в статье-некрологе вопрошал по поводу этого события: «Было ль это действие величайшим подвигом христианского самоотвержения, самую трудную жертвою, какую может только принести наше самолюбие, или таился в нем глубоко сокрытый плод тончайшего самообольщения, высшей духовной прелести, или, наконец, здесь действовала одна жестокая душевная болезнь?»⁴²

На эти вопросы существуют разные ответы. Некоторые современники Гоголя считали, что он сжигал рукописи в минуту безумия. Этой версии придерживается, например, К. Н. Мочульский. «Несомненно, — пишет он, — что Гоголь совершил сожжение в состоянии умоисступления; очнувшись, он раскаивался в нем и плакал». С таким мнением согласиться никак нельзя.

Решение Гоголя жечь рукописи не было внезапным. Вот как рассказывает об этом Погодин: «Ночью, на вторник, он долго молился один в своей комнате. В три часа призвал своего мальчика и спросил его, тепло ли в другой половине его покоев. — “Свежо”, — отвечал тот. — “Дай мне плащ, пойдем: мне нужно там распорядиться”. И он пошел со свечой в руках, крестясь во всякой комнате, через которую проходил. Пришел, велел открыть трубу как можно тише, чтоб никого не разбудить, и потом подать из шкафа портфель. Когда портфель был принесен, он вынул оттуда связку тетрадей, перевязанных тесемкой, положил ее в печь

изведение протоиереем Феодором Образцовым по памяти разговора между Т. И. Филипповым и отцом Матфеем).

⁴² Погодин М. П. Кончина Гоголя. С. 49.

и зажег свечой из своих рук. Мальчик, догадавшись, упал пред ним на колени и сказал: “Барин, что вы это делаете!” — “Не твое дело, — отвечал он, — молись!”. Мальчик начал плакать и просить его. Между тем огонь погасал, после того как обгорели углы у тетрадей. Он заметил это, вынул связку из печки, развязал тесемку и уложил листы так, чтоб легче было приняться огню, зажег опять и сел на стуле перед огнем, ожидая, пока все сгорит и истлеет. Тогда он, перекрестясь, воротился в прежнюю свою комнату, поцеловал мальчика, лег на диван и заплакал. — “Иное надо было сжечь, — сказал он, подумав, — а за другое помолитесь бы за меня Богу; но, Бог даст, выздоровею и все поправлю”»⁴³

Это самый полный рассказ, основанный на свидетельствах гооголевского слуги Семена и графа Толстого. Из него следует, что Гоголь сжигал рукописи после продолжительной молитвы, в его действиях не было ничего, что напоминало бы исступление. Серьезное исследование источников приводит к заключению, что Гоголь действовал совершенно осознанно.

Литературовед В. В. Гиппиус высказал предположение, что сожжение явилось результатом роковой случайности. По его мнению, Гоголь не проверил содержимого перевязанной тесемкой пачки. Едва ли это так. Тем более что, по словам Шевырева, Гоголь отбирал бумаги: «...некоторые откладывал в портфель, другие обрекал на сожжение. Эти последние велел мальчику связать трубкою и положить в камин»⁴⁴.

Широкое распространение имеет версия, что Гоголь сжигал рукописи, будучи недоволен своим трудом как художник. Ее придерживался, например, такой авторитетный специалист, как академик Н. С. Тихонравов. По его словам, предсмертное сожжение «было сознательным делом художника, убедившегося в несовершенстве всего, что было выработано его многолетним мучительным трудом»⁴⁵. Однако оценивать эстетическую, художественную сторону второго тома сложно уже потому, что мы имеем дело с черновыми главами и набросками. Поэтому нет причин говорить о неудаче творческого характера. Неизвестно, как сожженные

⁴³ *Погодин М. П.* Кончина Гоголя. С. 49.

⁴⁴ Письмо С. П. Шевырева М. Н. Синельниковой о последних днях и смерти Гоголя. С. 442.

⁴⁵ *Гоголь Н. В.* Соч.: в 7 т. 10-е изд. / Ред. Н. С. Тихонравова. М., 1889. Т. 3. С. 576.

главы выглядели бы в беловике. Ведь не оцениваем мы художественные достоинства черновики первого тома, — нет у нас на это права, — они не предъявлены автором читателю. И все же отметим, что слушавшие главы второго тома в чтении Гоголя в подавляющем большинстве отзывались о них очень высоко. Так, 29 августа 1849 г. Т. Аксаков сообщал сыну Ивану: «Не могу больше скрывать от тебя нашу общую радость: Гоголь читал нам первую главу 2-го тома «Мертвых душ». Слава Богу! Талант его стал выше и глубже...»⁴⁶

В начале января 1850 г. Гоголь снова прочел Аксаковым первую главу, но уже в переработанном виде. Иван Сергеевич, присутствовавший на чтении, писал родным из Ярославля 9 января этого года: «Спасибо Гоголю! Все читанное им выступало передо мною отдельными частями во всей своей могучей красоте... Если б я имел больше претензий, я бы бросил писать: до такой степени превосходства дошел он, что все другие перед ним пигмеи»⁴⁷.

Через две недели, 19 января, Гоголь прочитал Аксаковым вторую главу. На другой день Сергей Тимофеевич спешил поделиться своим впечатлением с сыном Иваном: «До сих пор не могу еще придти в себя... Такого высокого искусства: показывать в человеке пошлом высокую человеческую сторону, нигде нельзя найти... Теперь только я убедился вполне, что Гоголь может выполнить свою задачу, о которой так самонадеянно и дерзко, по-видимому, говорит он в первом томе...»⁴⁸

По свидетельству современников, слушавших в чтении Гоголя первые главы второго тома в период с 1849 по 1851 г., окончательный текст отличался от тех черновики, которые дошли до нас. Отличия эти касались главным образом более тщательной отделки произведения. Однако, без сомнения, и сохранившиеся главы имеют высокие достоинства, являются своеобразным художественным завещанием Гоголя русской прозе второй половины XIX в.

Гоголь, как и всякий писатель, конечно, испытывал сомнения, отчасти проверяя впечатление от вновь написанных вещей на слушателях. Однако высшим судьей был он для себя сам. И судил Гоголь свои произведения в свете Евангелия. «Всякому человеку следует выполнить на земле призванье свое добросовестно и чест-

⁴⁶ Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 719.

⁴⁷ Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. С. 94.

⁴⁸ Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем. С. 204–205.

но, — говорил он в 1850 г. — Чувствуя, по мере прибавленья годов, что за всякое слово, сказанное *здесь*, дам ответ *там*, я должен подвергать мои сочиненья несравненно большему соображению и осмотрительности, чем сколько делает молодой, не испытанный жизнью писатель».

В этой связи весьма симптоматичны слова С. Т. Аксакова, писавшего Шевыреву после смерти Гоголя: «...в самое последнее свидание с моей женой Гоголь сказал, что он *не будет печатать второго тома*, что в нем *все никуда не годится* и что *надо все переделать*»⁴⁹. Вера Сергеевна Аксакова в своих воспоминаниях также свидетельствует, что Гоголь зимой 1851/52 г. несколько раз виделся с ее матерью, и однажды на вопрос Ольги Семеновны, скоро ли он думает печатать второй том, ответил: «Нет, не скоро, многого недостает, и если б теперь пришлось начинать, совсем бы иначе начал»⁵⁰.

Гоголь хотел так написать свою книгу, чтобы из нее путь к Христу был ясен для каждого. Напомним его слова, сказанные по поводу сожжения второго тома в 1845 г.: «...бывает время, что даже вовсе не следует говорить о высоком и прекрасном, не показавши тут же ясно, как день, путей и дорог к нему для всякого». Цели, поставленные Гоголем, далеко выходили за пределы литературного творчества. Невозможность осуществить свой замысел, столь же великий, сколь и несбыточный, становится его личной писательской трагедией.

«Создал меня Бог и не скрыл от меня назначенья моего, — писал Гоголь в «Четырех письмах к разным лицам по поводу “Мертвых душ”», объясняя причину сожжения второго тома в 1845 г. — Рожден я вовсе не затем, чтобы произвести эпоху в области литературной. Дело мое проще и ближе: дело мое есть то, о котором прежде всего должен подумать всяк человек, не только один я. Дело мое — *душа и прочное дело жизни*. А потому и образ действий моих должен быть прочен, и сочинять я должен прочно... Жгу, когда нужно жечь, и, верно, поступаю как нужно, потому что без молитвы не приступаю ни к чему».

Как видим, Гоголь не оставляет никаких причин для иных толкований своего поступка. Покорность воле Божией, без ко-

⁴⁹ Из бумаг Степана Петровича Шевырева // Русский архив. 1878. Кн. 2. С. 54.

⁵⁰ Литературное наследство. Т. 58. С. 790.

торой ничего не совершается в мире, полагал он, есть неперменное условие для художника, работающего Богу. «Мне нет дела до того, кончу ли я свою картину, или смерть меня застигнет на самом труде, — писал он А. А. Иванову 28 декабря (н. ст.) 1847 г., — я должен до последней минуты своей работать, не сделавши никакого упущенья с своей собственной стороны. Если бы моя картина погибла или сгорела пред моими глазами, я должен быть так же покоен, как если бы она существовала, потому что я не зевал, я трудился. Хозяин, заказавший это, видел. Он допустил, что она сгорела. Это Его воля. Он лучше меня знает, что и для чего нужно».

Писатель в известных случаях имеет несчастье приносить вред и после смерти. Автор умирает, а произведение остается и продолжает губить души человеческие. Это прекрасно понимал Гоголь. В статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» он вспоминает басню И. А. Крылова «Сочинитель и Разбойник». Мораль этой басни угадывается в словах Гоголя из его «Завещания»: «Стонет весь умирающий состав мой, чужа исполинские возрастанья и плоды, которых семена мы сеяли в жизни, не прозревая и не слыша, какие страшилища от них подымутся...»

В сохранившихся главах второго тома помещик Костанжогло говорит: «Пусть же, если входит разврат в мир, так не через мои руки. Пусть я буду перед Богом прав...» В этом речении слышится отзвук слов Спасителя: *«Горе миру от соблазнов: ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит»* (Мф 18. 7). Святитель Филарет, митрополит Московский, толкуя это евангельское изречение, пишет: «Воистину плачевен грех и страшен, но соблазн более. Грех мой, при помощи благодати Твоя, могу я прекратить и покаянием очистить; но соблазна, если он виною моею подан и перешел к другим, уже не властен я ни прекратить, ни очистить»⁵¹.

Другой современник Гоголя, святитель Феофан Затворник, говорит о том же: «Соблазн растет и увеличивает беду самого соблазнителья, а он того не чует и еще больше расширяется в соблазнах. Благо, что угроза Божия за соблазн здесь, на земле, почти не исполняется в чаянии исправления; это отложено до будущего

⁵¹ Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. М., 1883. Т. 4. С. 130.

суда и воздаяния; тогда только почувствуют соблазнитель, сколь великое зло соблазн»⁵².

Без сомнения, боялся писать на соблазн ко греху и Гоголь. В последнее десятилетие своей жизни он мало ценил прежние свои сочинения, пересматривая их глазами христианина. В предисловии к «Выбранным местам из переписки с друзьями» Гоголь говорит, что своей новой книгой он хотел искупить бесполезность всего, доселе им написанного. Эти слова вызвали немало нареканий и побудили многих думать, что Гоголь отрекается от своих прежних произведений. Между тем совершенно очевидно, что о бесполезности своих сочинений он говорит в смысле религиозном, духовном, ибо, как пишет далее Гоголь, в письмах его, по признанию тех, к которым они были писаны, находится более нужного для человека, чем в его сочинениях.

«Обращаться с словом нужно честно, — говорил Гоголь. — Оно есть высший подарок Бога человеку. Беда произносить его писателю... когда не пришла еще в стройность его собственная душа: из него такое выйдет слово, которое всем опротивеет. И тогда с самым чистейшим желаньем добра можно произвести зло».

Талант, данный ему Богом, Гоголь хотел направить для прославления Бога и на пользу людям. И чтобы достичь этого, он должен был очистить себя молитвой и истинно христианской жизнью. Преображение русского человека, о котором мечтал Гоголь, совершалось в нем самом. Жизнь свою он продолжил свои писания.

Зародыши тех страстей, которые довели его героев до их ничтожества и пошлости, Гоголь находил в себе. В 1843 г., отвечая на вопрос одного из своих друзей, отчего герои «Мертвых душ», будучи далеки от того, чтобы быть портретами действительных людей, будучи сами по себе свойства совсем непривлекательного, неизвестно почему близки душе, Гоголь говорит: «...герои мои потому близки душе, что они из души; все мои последние сочинения — история моей собственной души». И далее замечает: «Не думай, однако же... чтобы я сам был такой же урод, каковы мои герои. Нет, я не похож на них. Я люблю добро, я ищу его и сгораю им; но я не люблю моих мерзостей и не держу их руку, как мои

⁵² *Епископ Феофан*. Мысли на каждый день года по церковным чтениям из Слова Божия. М.: Издание Московской Патриархии, 1991 /Репринтное издание. С. 171.

герои; я не люблю тех низостей моих, которые отдаляют меня от добра. Я воюю с ними, и буду воевать, и изгоню их, и мне в этом поможет Бог».

«В этом же моем ответе найдешь ответ и на другие запросы, если попристальной взглядишься, — продолжает Гоголь. — Тебе объяснится также и то, почему не выставлял я до сих пор читателю явлений утешительных и не избирал в мои герои добродетельных людей. Их в голове не выдумаешь. Пока не станешь сам хотя сколько-нибудь на них походить, пока не добудешь медным лбом и не завоюешь силою в душу несколько добрых качеств, — мертвечина будет все, что ни напишет перо твое, и, как земля от неба, будет далеко от правды».

В то время как большая часть читателей потешалась над его героями, считая себя неизмеримо выше них, Гоголь страдал и томился, понимая, что и он несовершенен. Он почувствовал, что ему не только не удаются положительные герои, но и не могут удалиться. Почему это так, отчасти можно понять из писаний святителя Игнатия (Брянчанинова). В статье «Христианский пастырь и христианин-художник» он высказывает глубокую мысль: «Большая часть талантов стремилась изобразить в роскоши страсти человеческие. Изображено певцами, изображено живописцами, изображено музыкою зло во всевозможном разнообразии. Талант человеческий, во всей своей силе и несчастной красоте, развился в изображении зла; в изображении добра он вообще слаб, бледен, натянут... Когда усвоится таланту Евангельский характер, — а это сопряжено с трудом и внутреннею борьбою, — тогда художник озаряется вдохновением свыше, только тогда он может говорить свято, петь свято, живописать свято»⁵³.

Духовный смысл кончины Гоголя не укрылся от наиболее проницательных его современников. Княжна Варвара Николаевна Репнина-Волконская писала в своих воспоминаниях: «Я понимаю, что Гоголь сжег свое творение и не понимаю плача С. Т. Аксакова и недоумения многих по поводу того, что Гоголь под конец своей жизни не остался прежним Гоголем, юмористом, а сделался истинным христианином. Все и вся должно исчезнуть; в новом, обновленном мире тленное не будет иметь места, и Гоголь обнов-

⁵³ *Игнатий (Брянчанинов), свт. Христианский пастырь и христианин-художник // Богословские труды. Сб. 32. М., 1996. С. 279.*

ленный в Царстве Небесном уже не Гоголь земной, но бессмертная ликующая душа, воспевающая “Свят, свят, свят!”⁵⁴.

2

От чего умер Гоголь? Вот вопрос, многими исследовавшийся, но донныне не решенный, так как к нему почти всегда подходили предвзято, нарочито исключая духовный подход (а ведь говорят «конец — делу венец», — и кончина человека часто открывает настоящий смысл его жизни). Но и попытка рассмотреть этот вопрос с духовной точки зрения оказалась, как мы увидим, неудачной, о чем и пойдет речь ниже.

Если говорить о медицинском диагнозе, то и на этот счет специалисты до сих пор не имеют единого мнения. Многие современники Гоголя, в том числе и близкие к нему, полагали, что умер он вследствие душевной болезни. Причем признаки таковой они усматривали задолго до его кончины. Позднее, в XX столетии, отечественные психиатры (Н. Баженов⁵⁵, В. Чиж⁵⁶, Г. Сегалин⁵⁷, И. Галант⁵⁸, А. Личко⁵⁹, А. Молохов⁶⁰) на основании печатных материалов пытались научно обосновать именно это мнение. Однако научного ответа в настоящем смысле они дать не могли, так как имели весьма поверхностное представление о духовно-религиозном устройстве Гоголя. Справедливости ради заметим, что многие современные литературоведы не считают, что Гоголь скончался от умственного расстройства. Вместе с тем проблема остается дискуссионной, и время от времени вопрос о душевной болезни Гоголя поднимается вновь.

⁵⁴ Из воспоминаний княжны В. Н. Репниной о Гоголе. С. 231.

⁵⁵ *Баженов Н. Н.* Болезнь и смерть Гоголя // Публичное чтение в годичном заседании Московского Общества невропатологов и психиатров. М., 1902.

⁵⁶ *Чиж В. Ф.* Болезнь Н. В. Гоголя. М., 1904.

⁵⁷ *Сегалин Г. В.* Шизофреническая психика Гоголя // Клинический архив гениальности и одаренности. Т. 2. Вып. 3. <Свердловск>, 1926. С. 263–305.

⁵⁸ *Галант И. Б.* Эврондокринология великих русских писателей // Клинический архив гениальности и одаренности. Н. В. Гоголь. Вып. 1. Т. 3. Без м. изд. 1927. С. 56–65.

⁵⁹ *Личко А.* Как умер Гоголь // Наука и религия. 1966. № 12. С. 80–87; 1967. № 1. С. 137–141; То же // Мир человека. М., 1976. С. 123–134.

⁶⁰ *Молохов А. Н.* О паранойе у Н. В. Гоголя // Труды / Кишиневский медицинский ин-т. Клиника психиатрии; Республиканская психиатрическая больница № 1 МССР. Кишинев, 1967. Вып. 2. Клиника шизофрении. С. 233–246.

Уже в наше время ученый с мировым именем профессор Дмитрий Евгеньевич Мелехов (1899–1979) сделал попытку решить этот вопрос с учетом христианского – православного – подхода к подобным недугам. В своем неоконченном труде «Психиатрия и проблемы духовной жизни», предназначенном для студентов Духовных академий и священников, одну из глав он посвятил Гоголю⁶¹. Она была помещена в восьмом томе «Настольной книги священнослужителя», изданном в 1988 г.⁶² Этот том лежит на столах у священников, которые иногда по нему и отвечают вопрошающим их о Гоголе. Но правильного ответа по этой книге (и тем самым по труду Мелехова) дать нельзя. Обратимся к работе ученого-психиатра, цитируя ее по «Настольной книге...».

Болезнь Гоголя, пишет Мелехов, «не была распознана, вследствие чего он получал неправильное лечение... Больной умер от тяжелого истощения с нарушением обмена веществ, бредом греховности, самоуничтожения, с упорным отказом от пищи, полной двигательной и умственной заторможенности...» (С. 317). Ученый насчитывает у Гоголя девять приступов болезни. Не будем разбирать все его доводы. Приведем пример, свидетельствующий о степени достоверности предлагаемого диагноза. «Приступ 1846 г., — констатирует он. — Состояние настолько тяжелое, что повеситься или утопиться кажется ему (Гоголю. — В. В.) единственным выходом. “Молитесь, друг мой, да не оставит меня Бог в минуты невыносимой скорби и уныния”» (С. 318).

Здесь речь идет, во-первых, о письме Гоголя к П. А. Плетневу от 20 февраля (н. ст.) 1846 г., где он, в частности, говорит: «...весь минувший год так был тяжел, что я дивлюсь теперь, как вынес его. Болезненные состояния до такой степени (в конце прошлого года и даже в начале нынешнего) были невыносимы, что повеситься или утопиться казалось как бы похожим на какое-то лекарство и

⁶¹ См.: Мелехов Д. Е. Психиатрия и проблемы духовной жизни // Русское Возрождение. Нью-Йорк– Париж – Москва. 1989. № 47–48. С. 24–30. Этот раздел о Гоголе был перепечатан с небольшими сокращениями в газете «Медицинский Вестник» (1994. № 2) под названием «Скорбный лист Николая Гоголя». См. также: Мелехов Д. Е. Психиатрия и проблемы духовной жизни // Психиатрия и актуальные проблемы духовной жизни. 2-е изд., испр. и доп. М.: Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа, 1997. С. 3–61.

⁶² Настольная книга священнослужителя. Т. 8. Пастырское богословие. М.: Издание Московской Патриархии, 1988. С. 316–319.

облегчение. А между тем Бог так был милостив ко мне в это время, как никогда дотоле. Как ни страдало мое тело, как ни тяжка была моя болезнь телесная, душа моя была здорова...»

Во-вторых, неточно приведенная Мелеховым цитата взята из письма Гоголя к Н. Н. Шереметевой от 5 июня (н. ст.) 1845 г., в котором он пишет: «Молитесь, друг мой, обо мне. Ваши молитвы мне нужны были всегда, а теперь нужнее, чем когда-либо прежде. Здоровье мое плохо совершенно, силы мои гаснут; от врачей и от [их] искусства я не жду уже никакой помощи, ибо это физически невозможно; но от Бога все возможно... Я слишком знаю, что нельзя зажечь уже свечильника, если не стало масла. Но знаю, что есть сила, которая и в мертвом воздвигнет дух жизни, если восхочет, и что молитва угодных Богу душ велика перед Богом. Молитесь, друг мой, да не оставляет меня в минутах невыносимой скорби и уныния...»

На основании этих данных ученый приходит к заключению о наличии у Гоголя состояний «депрессии с унынием, с греховными мыслями о самоубийстве, с безнадежностью...» и тому подобным. Такой вывод очень напоминает диагноз врачей, лечивших Гоголя, сделанный на основании его литературных занятий, «религиозного убеждения морить себя голодом», а также неприветливости приема докторов⁶³. Разумеется, в подобном взгляде на это дело нет ничего нового. Еще Н. Н. Баженов писал (на основании того же письма к Плетневу), что в начале 1846 г. под влиянием психопатических ощущений апатии, тоски и уныния у Гоголя возникает мысль о самоубийстве⁶⁴.

Как мы знаем, 1845 год был очень трудным для Гоголя. Летом этого года он сжег первую редакцию второго тома «Мертвых душ» и даже написал завещание, опубликованное впоследствии в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Да и вообще в середине 1840-х гг. он много болел. Бывали у него периоды тоски и уныния. Но боролся с ними Гоголь именно как христианин — духовными средствами и возлагал все надежды свои на Господа. 25 июля (н. ст.) 1845 г. он писал А. О. Смирновой: «Крестом сложивши руки и подняв глаза к Нему, будем ежеминутно говорить: “Да будет воля Твоя” и все примем, благословляя и самую тоску, и скуку, и тяжкую болезнь».

⁶³ См.: *Тарасенков А. Т.* Последние дни жизни Н. В. Гоголя. С. 26.

⁶⁴ *Баженов Н. Н.* Болезнь и смерть Гоголя. С. 18.

Выводы, которые Гоголь вынес из своих недугов, были прямо противоположны тем, которые сделали за него ученые-медики — не отчаяние, не мысли о самоубийстве, а духовное смирение, упование на волю Божию. В статье «Значение болезней» (1846) он писал, обращаясь к графу А. П. Толстому: «Часто бывает так тяжело, такая страшная усталость чувствуется во всем составе тела, что рад бываешь, как Бог знает чему, когда, наконец, оканчивается день и доберешься до постели. Часто, в душевном бессилии, восклицаешь: Боже! где же, наконец, берег всего? Но потом, когда оглянешься на самого себя и посмотришь глубже себе внутрь — ничего уже не издает душа, кроме одних слез и благодарения. О! как нужны нам недуги! Из множества польз, которые я уже извлек из них, скажу вам только одну: ныне каков я ни есть, но я все же стал лучше, нежели был прежде; не будь этих недугов, я бы задумал, что стал уже таким, каким мне следует быть... Не будь тяжких болезненных страданий, куда б я теперь не занесся! каким бы значительным человеком вообразил себя! Но, слыша ежеминутно, что жизнь моя на волоске, что недуг может остановить вдруг тот труд мой, на котором основана вся моя значительность, и та польза, которую так желает принести душа моя, останется в одном бессильном желании, а не в исполнении, и не дам я никаких процентов на данные мне Богом таланты, и буду осужден, как последний из преступников... Слыша все это, смиряюсь я всякую минуту и не нахожу слов, как благодарить небесного Промыслителя за мою болезнь. Принимайте же и вы покорно всякий недуг, веря вперед, что он нужен. Молитесь Богу только о том, чтобы открылось перед вами его чудное значение и вся глубина его высокого смысла».

Так Гоголь смотрел на значение болезней. А как он относился к греху самоубийства? Об этом есть прямое свидетельство в одесском дневнике Екатерины Александровны Хитрово. 27 января 1851 г. она записала слова Гоголя, сказанные им по поводу евангельского стиха: «*Претерпевый же до конца, той спасется*» (Мф 10. 22; 24, 13; Мк 13. 13). Екатерина Александровна сказала: «Замечательный стих, единственный, который против самоубийства». На что Гоголь ответил: «Это такой нелепый грех, что невозможно было Христу о нем говорить. К чему?»⁶⁵.

⁶⁵ <Хитрово Е. А.> Гоголь в Одессе. 1850–1851 // Русский архив. 1902. № 3. С. 552.

В уразумении смысла и значения скорбей Гоголю помогали творения святых отцов и учителей Церкви. По сути, в его письмах и в статье излагается общая для христианских писателей мысль о созидающей силе болезней и страданий в духовном возрождении человека.

Гоголь верил в целительную силу молитвы и — повторим — все свои надежды возлагал на помощь Божию. В том же 1845 г., в мае, он просит графа Толстого заказать молебен о своем выздоровлении: «Прошу Вас просить нашего доброго священника в Париже (протоиерея Димитрия Вершинского. — *В. В.*) отправить молебен о моем выздоровлении». И прибавляет: «Отправьте также молебен о Вашем собственном выздоровлении. Бог да хранит Вас». О том же Гоголь просит и Смирнову в письме от 15 июля (н. ст.) 1845 г. Биограф писателя В. И. Шенрок рассказывает со слов его родственников, что однажды в 1848 г., гостя у своих в Васильевке, Гоголь куда-то выехал из деревни, но вдруг, уже в половине пути, что-то вспомнил и вернулся домой. По возвращении он тотчас заказал в церкви молебен о здравии болящей рабы Божией Александры и сейчас же снова отправился в путь. Родные догадались, что он молился за Смирнову⁶⁶.

Известно, что Гоголь не отказывался лечиться (Церковь благословляет обращаться к докторам при необходимости) и лечился за границей на водах не раз. Однако он знал цену врачам. «Но велик Бог, и природа человека еще такая тайна, которая ускользает далеко во многом от глаза докторов, — писал он Василию Андреевичу Жуковскому 24 июля (н. ст.) 1845 г. из Карлсбада. — А потому все клонится к тому, что во время лечения еще крепче и сильней нужно молиться Богу».

Еще один пример. «В 1848 году, — пишет Мелехов, — перед поездкой в Палестину, письма (Гоголя. — *В. В.*) еще отражают сопротивление и борьбу с наступающим приступом болезни. Он рассылает друзьям составленную им молитву с просьбой молиться о нем по этой записочке «сверх того, что находится в общих молебнах». Приведем фрагмент этой молитвы: “...Душу же его исполни благодатных мыслей во все время дороги его. Удали от него духа колебания (у Гоголя: колебаний. — *В. В.*), духа помыслов мятежных и волнуемых, духа суеверия, пустых примет и малодушных предчувствий, ничтожного духа робости и боязни”» (С. 318).

⁶⁶ См.: Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. Т. 4. С. 239.

В данном случае имеется в виду молитва, посланная Гоголем в письме к Шереметевой от 12 января (н. ст.) 1845 г. из Неаполя за неделю до его отъезда в Иерусалим. Другую редакцию этой молитвы Гоголь послал через три дня матери в Васильевку. «Прошу Вас отправить молебен, — писал он, — и, если можно, даже не один (во всех местах, где умеют лучше молиться), о благополучном моем путешествии. Чувствую, что нет сил помолиться самому: силы мои как бы ослабели, сердце черство, малодушна душа... Соедините Ваши моления и помогите воскреситься к Богу моей молитве... Прилагаю здесь, на всякий случай, на особенной бумажке содержание того, о чем бы я хотел, чтобы священник, сверх содержимого в обыкновенных молебнах, молился».

В письмах Гоголя этой поры и в составленной им молитве ученый усматривает следы его борьбы с душевным недугом, приближающимся приступом. И в этом тоже следует своим предшественникам. Баженов, например, видел в этой молитве полный список всех признаков «психоза» Гоголя, как будто взятых из современного курса психиатрии⁶⁷. Между тем эта молитва состоит из самых обычных молитвенных выражений с прибавлением прошения об удалении духа боязни, совершенно естественного для человека, отправляющегося в такое далекое и трудное путешествие. Известно также, что Гоголь опасался умереть от морской болезни, от которой всегда страдал. Вследствие этого он, по его словам, и поместил в книге «Выбранные места...» свое завещание, чтобы в случае его смерти, если бы она застигла его на пути, «возымело оно тотчас свою законную силу», как засвидетельствованное всеми его читателями.

В письме из Неаполя от 7 декабря (н. ст.) 1847 г. Гоголь признавался Михаилу Погодину: «...замирает малодушный дух мой при одной мысли о том, какой длинный мне предстоит переезд, и все почти морем, которого я не в силах выносить и от которого страдаю ужасно». Оттуда же он писал и Шереметевой: «Отправляться мне приходится во время, когда на море бывают непогоды, а я бываю сильно болен морскою болезнью даже и во время малейшего колебания». Опасения Гоголя не были напрасными. Прибыв на Мальту, он сообщал графу Толстому 22 января (н. ст.) 1848 г.: «Рвало меня таким образом, что все до едина возымели о мне жалость...»; и на следующий день графине Анне Михайловне

⁶⁷ См.: Баженов Н. Н. Болезнь и смерть Гоголя. С. 7.

Виельгорской: «Если бы еще такого адского состоянья были одни сутки, меня бы не было на свете».

Обратимся теперь к последним дням жизни Гоголя в трактовке Мелехова. «Последний приступ болезни, от которого Гоголь погиб, — пишет он, — протекал злокачественно, на фоне нарастающего аффекта с бредовыми идеями самообвинения и гибели,.. прогрессирующим истощением и с полным отказом от пищи... Он десять дней лежит в напряженной позе в постели, не говоря ни с кем до самой смерти (наступившей вследствие бурно нарастающего истощения)» (С. 318).

Мы видим, как ученый-психиатр, основываясь на недостоверных сведениях из третьих рук, повторяет расхожее мнение, будто бы Гоголь в болезненном состоянии уморил себя голодом. Между тем доктор Тарасенков, наблюдавший Гоголя непосредственно во время его предсмертной болезни, свидетельствует (и другие мемуаристы это подтверждают), что Гоголь не принимал пищи только последние три дня, и только за три дня до кончины он слег в постель, а настоящий бред и внезапное падение сил показали лишь за несколько часов перед смертью. Напомним, что 11 февраля (за десять дней до смерти Гоголя) начался Великий пост, первая неделя которого отличается особой строгостью, когда до среды пищу почти не вкушали, а сильные оставались без нее до субботы. Со слов графа Толстого известно, что, начиная с понедельника первой седмицы, Гоголь принимал пищу два раза в день, то есть как болящий позволил себе послабление.

Фельдшер А. Зайцев, принимавший участие в лечении Гоголя, вспоминал, что в эти дни беседовал с ним о литературе и тот даже поправил его стихотворение, сказав на прощанье: «Читай больше, друг мой»⁶⁸.

По словам Мелехова, в последнем приступе «было уже полное господство бреда греховности, самоуничужения, потери веры в возможность прощения» (С. 319). Между тем Гоголь перед смертью дважды исповедался и приобщился Святых Таин, а также был соборован елеем. Для исполнения этих треб приходил отец Иоанн Никольский, настоятель церкви Преподобного Саввы Освященного, что на Девичьем поле. Он был с 1842 г. духовником писателя. В последние дни рядом с умирающим был и отец Алексей

⁶⁸ См.: *Воропаев В.* Из воспоминаний очевидца о смерти Гоголя // Лит. Россия. 1994. 4 марта. С. 13.

Соколов, священник церкви Преподобного Симеона Столпника, к приходу которого относился дом графа Толстого и которую часто посещал Гоголь. Само собой разумеется, что эти священники беседовали с Гоголем.

Современники свидетельствуют, что перед смертью Гоголь не обнаружил никаких признаков умственного расстройства. Доктор Тарасенков рассказывает, что, когда граф Толстой для отвлечения начинал говорить с ним о предметах, которые были ему весьма близки и которые не могли не занимать его прежде, Гоголь возражал с благоговейным изумлением: «Что это вы говорите! Можно ли рассуждать об этих вещах, когда я готовлюсь к такой страшной минуте!»⁶⁹

За три дня до кончины Гоголя его посетил Московский гражданский губернатор Иван Васильевич Капнист. Он и еще несколько друзей находились в комнате, где, отвернувшись лицом к стене, лежал Гоголь. Из неосторожного разговора присутствующих он ясно мог понять, что они считают его не в своем уме. В эту минуту Гоголь обернулся и сказал Капнисту: «У вас в канцелярии десять лет служит на одном месте чиновник, честный, скромный и толковый труженик, и нет ему ходу и никакой награды; обратите внимание на это, ваше превосходительство, хотя бы в мою память» (этим чиновником был сын священника Иоанна Никольского, духовника Гоголя)⁷⁰.

Точно так же, в духе расхожих — и уводящих далеко от правды — представлений, судит профессор Мелехов и о взаимоотношениях Гоголя с его духовным отцом — ржевским протоиереем Матфеем Константиновским. «Его духовный руководитель, — пишет ученый, — не принимая во внимание состояние больного, предъявлял к нему строго аскетические требования... советовал бросить все и идти в монастырь, а во время последнего приступа привел Гоголя в ужас угрозами загробной кары...» (С. 317–319).

Подобные утверждения основаны на уже сложившемся в гоголеведении предвзятом отношении к фактам, в частности ложно истолкованном письме Гоголя к отцу Матфею от 24 сентября (н. ст.) 1847 г. Здесь Гоголь говорит: «Не знаю, сброшу ли я имя

⁶⁹ Последние дни жизни Н. В. Гоголя. С. 20.

⁷⁰ См.: *Воропаев В.* «Меня очень занимал Гоголь...» Из «Записок» В. О. Шервуда // *Собеседник: Литературно-критический ежегодник.* М., 1987. С. 280; Последние дни жизни Н. В. Гоголя. С. 24.

литератора, потому что не знаю, есть ли на это воля Божия... Если бы я знал, что на каком-нибудь другом поприще могу действовать лучше во спасенье души моей и во исполнение всего того, что должно мне исполнить, чем на этом, я бы перешел на то поприще. Если бы я узнал, что я могу в монастыре уйти от мира, я бы пошел в монастырь. Но и в монастыре тот же мир окружает нас...»

Эти слова Гоголя историк Н. П. Барсуков понял в том смысле, что отец Матфей «советует Гоголю бросить имя литератора и идти в монастырь»⁷¹. Однако монашеские устремления возникли у Гоголя задолго до знакомства с отцом Матфеем. Летом 1845 г. он даже предпринял попытку оставить литературное поприще и постричься в монахи⁷². Отзвуком этого события и явились строки о монастыре в письме к отцу Матфею.

Впоследствии слова, выделенные Барсуковым курсивом, стали брать в кавычки, неправомерно расценивая их как документальное свидетельство. На самом деле отец Матфей советовал Гоголю другое: «...слушаться Духа, в нас живущего, а не земной телесности нашей»; «...оставивши все хлопоты и вещи мира... поворотить во внутреннюю жизнь»; читать Евангелие, святых отцов (из письма Гоголя к графу А. П. Толстому от середины августа (н. ст.) 1847 г.).

Последняя встреча Гоголя с отцом Матфеем состоялась в конце января — начале февраля 1852 г. в Москве в доме графа Толстого на Никитском бульваре. Беседы со священником произвели большое впечатление на Гоголя. Подробности этих разговоров нам неизвестны, но их содержание отчасти передано доктором Тарасенковым и протоиереем Феодором Образцовым. Отец Матфей напоминал Гоголю о греховности человека, об ответственности людей за свои действия и слова перед Богом, о необходимости соблюдения поста. «Несмотря на то, что Гоголь так любил духовные беседы и сам искал строгих наставлений, — пишет Тарасенков, — разговоры этого духовного лица, о котором он имел по справедливости самое высокое понятие, так сильно потрясали его, что он однажды, не владея собою, прервал его речь и ска-

⁷¹ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1894. Кн. 8. С. 571.

⁷² Подробнее см.: Ворopaев В. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. М.: Православный Паломник, 2008.

зал ему: “...довольно, оставьте, не могу долее слушать, слишком страшно”»⁷³.

Заметим, что доктор Тарасенков не был участником разговоров отца Матфея с Гоголем и писал, главным образом, со слов графа Толстого. Можно догадываться, что речь, помимо прочего, касалась и темы Страшного суда. Но у Тарасенкова нигде не сказано, что священник предъявлял Гоголю чрезмерные требования. Да этого и быть не могло. Будучи опытным пастырем, отец Матфей прекрасно понимал, что человек в духовной жизни поднимается как бы по ступеням лестницы. В своем последнем письме к Гоголю (единственном дошедшем до нас) он говорит: «Человек может и должен расти в вере и благочестии, но постепенно»⁷⁴.

Во время своей последней встречи с Гоголем отец Матфей исполнял свои священнические обязанности. Как духовный отец писателя, он заботился о его вечном спасении. Более того, будучи, по свидетельству многих, прозорливцем, он, по всей видимости, предвидел смерть Гоголя и старался приготовить его к ней. Именно после отъезда отца Матфея Гоголь начинает говеть, то есть готовиться к принятию Святых Христовых Таин.

Нет никаких оснований утверждать, как это делает Мелехов, что отец Матфей «ошибочно толковал болезнь Гоголя в ложном духовно-мистическом аспекте» (С. 219). Известно, что умер Гоголь в состоянии духовного просветления. Последними его словами, сказанными в полном сознании, были: «Как сладко умирать!»⁷⁵.

Нередко можно встретить утверждение, что Гоголь жег рукописи в состоянии глубокого уныния. Так, по словам Мелехова, сожжение второго тома было «совершено во время глубокой депрессии с болезненным сознанием своей виновности и греховности своего творчества» (С. 317). В опровержение подобного мнения можно привести слова отца Матфея: «Говорят даже, что Гоголь сжег свои творения потому, что считал их греховными?» — «Едва ли, — в недоумении сказал о. Матфей, — едва ли...». Он как будто в первый раз слышал такое предположение. «Гоголь сожег, но

⁷³ Последние дни жизни Н. В. Гоголя. С. 15.

⁷⁴ Дурьлин С. Неизвестное письмо о. Матфея к Гоголю // Весы. 1909. № 4. С. 65.

⁷⁵ Письмо С. П. Шевырева М. Н. Синельниковой. С. 445.

не все тетради сожег, какие были под руками, и сожег потому, что считал их слабыми»⁷⁶.

Отца Матфея упрекали в непонимании Гоголя как писателя. Говорили, что он запрещал ему писать светские произведения. Отец Матфей отвечал на это: «Неправда. Художественный талант есть дар Божий. Запрещения на дар Божий положить нельзя; несмотря на все запрещения он проявится...»⁷⁷.

Среди тех, кто знал Гоголя, отец Матфей понимал его едва ли не больше всех. «С ним повторилось обыкновенное явление нашей русской жизни, — говорил он. — Наша русская жизнь немало имеет примеров того, что сильные натуры, наскучивши суетой мирской или находя себя неспособными к прежней широкой деятельности, покидали все и уходили в монастырь искать внутреннего умиротворения и очищения своей совести... Так было и с Гоголем. Он прежде говорил, что ему “нужен душевный монастырь”, а пред смертью он еще сильнее пожелал его”»⁷⁸.

В этой связи вспомним слова о Гоголе, сказанные его старшим другом В. А. Жуковским: «Настоящее его призвание было монашество. Я уверен, что если бы он не начал свои «Мертвые души», которых окончание лежало на его совести и все ему не давалось, то он давно бы стал монахом и был бы успокоен совершенно, вступив в ту атмосферу, в которой душа его дышала бы легко и свободно»⁷⁹.

⁷⁶ *Образцов Ф., прот.* О. Матфей Константиновский, протоиерей Ржевского собора. По моим воспоминаниям. С. 139.

⁷⁷ Там же. С. 138.

⁷⁸ Там же. С. 137–138.

⁷⁹ Сочинения и переписка П. А. Плетнева. СПб., 1885. Т. 3. С. 732.